

Функции иноязычных вкраплений в романе В.В. Набокова «Дар»

Соболева Яна Игоревна

Студентка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Интерполяция иноязычных слов и более крупных единиц в язык произведения – прием распространенный и широко используемый, особенно писателями-билингвами. Данный метод применялся еще с античности (например, у Цицерона). У Набокова же многоязычие – постоянный и отработанный стилистический прием, встречающийся как в русскоязычной, так и в англоязычной прозе, а также в лирике и драматургии. Даже на примере одного произведения становятся заметны широта и разнообразие иноязычных вкраплений, встречающихся в тексте, а также нетривиальность их функциональной мотивированности.

Использование иноязычных вкраплений в «Даре» мотивировано прежде всего необходимостью уточнения коннотаций слова или словосочетания. В данном случае иностранные вкрапления употребляются тогда, когда нужно лаконично передать их значение, точного эквивалента которому нет в основном языке произведения. Без иноязычной вставки смысл будет передан или неточно, или целой фразой, а не одним словом. Иными словами, мотивация здесь – это разница между номинацией и описанием и желание сохранить тонкую коннотацию вводимого слова. Ключевым тут становится «принцип максимально точного выражения понятия» [Filonov Gove]. Примером предельной непереводаемости на другие языки может служить немецкое слово *Gemütlich* («уютный»). «Маленькая *гемютная* Германия» [Набоков: 493], – говорит Федор Константинович.

Следующую функцию можно обозначить как ассоциативную. Иноязычное вкрапление появляется в тексте в том случае, если оно ассоциируется в сознании повествователя или персонажа с какой-то конкретной (внеязыковой) ситуацией. «Buchstaben von Feuer (нем. «Огненные буквы»), одним словом...» [Набоков: 129], – заключает главный герой, когда его знакомый, поэт Кончеев, рассказывает о своей необычной способности видеть буквы раскрашенными в разные цвета. Комментатор А. Долинин указывает на то, что эти слова – цитата из баллады Г. Гейне «Валтасар» из сб. «Книга песен» [Набоков: 530]. Но в более раннем романе Набокова «Машенька» «огненными буквами» назывались огни неоновых рекламных вывесок, и такое объяснение очень подходит к отрывку из «Дара». Это тот образ, который мог нарисоваться в голове Федора после рассказа Кончеева.

Один из самых распространенных и важных случаев использования в романе иноязычных вкраплений – это создание необходимой «иллюзии жизнеподобия» [Filonov Gove] описываемой ситуации. Здесь иноязычный материал нужен для того, чтобы придать изображаемому большую достоверность. В «Даре» такую функцию выполняют, во-первых, многочисленные названия на латинице, например, топонимы, такие, как «Pont des Vaches» (фр. «Коровий мост») или «Chemin du Pendu» (фр. «Дорога повешенного») [Набоков: 147]. Во-вторых, для воссоздания местного колорита и как можно более реалистичной картины Набоков приводит целые диалоги на иностранном языке.

Еще одним эффективным и довольно оригинальным способом подчеркнуть точность и достоверность описываемого служит так называемое «дублирование» речевых отрезков. Сначала приводится чье-либо высказывание на исходном для данного текста языке (т. е. перевод), а затем оно же на языке-оригинале. В «Даре» находим такой пример: «Когда однажды французского мыслителя Delalande на чьих-то похоронах спросили, почему он не обнажает головы (*ne se de'couvre pas*), он отвечал: я жду, чтобы смерть начала первая (*qu'elle se de'couvre la premie're*)» [Набоков: 436]. Либо сначала дается отрывок на языке-оригинале, а потом его дословный перевод.

Терминологическая точность тоже может быть одним из стимулов введения иноязычных вкраплений. В данном случае то или иное иноязычное слово вставляется потому, что является каким-либо термином в языке-оригинале, а в языке принимающем аналогичного термина либо нет вообще, либо есть калька: «*biographie romancée*» [Набоков: 84]. Если же термин есть в обоих языках, то тогда выбор языка – дело вкуса писателя: «*audition colorée*» [Набоков: 128].

Иноязычные вкрапления часто используются в ситуации языковой игры. Связи между иноязычным словом и словом на исходном языке могут порождать – на фонологическом, морфологическом или синтаксическом уровне – «каламбурные, а иногда двусмысленные выражения» [Листрова-Правда: 141]. Например, «имя перевозчицей фирмы», чей фургон Федор Константинович увидел перед своим домом было «*Max Lux*». У главного героя это название вызвало довольно забавную ассоциацию, основанную на созвучии русских и немецких слов: «Что это у тебя, сказочный огородник? Мак-с. А то? Лук-с, ваша светлость» [Набоков: 69–70].

Здесь названы далеко не все функции иноязычных вкраплений в романе Набокова. Многоязычие – важнейший принцип поэтики его произведений. Подробное изучение этого вопроса может помочь не только лучше понять смысл, вложенный Набоковым в произведение, но и оценить неповторимый авторский стиль писателя.

Литература

Листрова-Правда Ю.Т. Иноязычные вкрапления и язык А.С. Пушкина // Филологические записки. Воронеж, 1999. Вып. 12. С. 136–147.

Набоков В.В. Дар. М., 2000.

Filonov Gove A. Multilingualism and Ranges of Tone in Nabokov's *Bend Sinister* // *Slavic Review*. 1973. Vol. 32. № 1. P. 78–90.